

С. В. НОВИКОВ

САРАПИС В ИРАНЕ

Основной идеей настоящей статьи является проблема генезиса культа эллинистического божества Сараписа, который традиционно считается порождением двух первых царей Птолемеевской династии. На основании анализа содержания грекоязычной надписи, обнаруженной на территории древней Гиркании (юго-восток побережья Каспийского моря), представляющей собой послание двум высокопоставленным чиновникам регионального масштаба, автор статьи высказывает следующее осторожное предположение. Он считает, что культ Сараписа, которому был посвящен освобождаемый на свободу раб, упомянутый в письме, был учрежден еще Александром Македонским после завоевания Египта. А храм этого божества, построенный им при основании города Александрия-в-Гиркании был главным региона, в котором хранилась анализируемая рукопись. Новые раскопки смогут помочь доказать правдивость этой версии.

Ключевые слова: Гиркания, эллинистический мир, Александр Македонский, Андрагор, Парфиена, Манумиссия, династия Птолемеев, Селевкидское царство, Иран, Центральная Азия

В 1960 г. весьма авторитетный в научном мире французский эпиграфист Луи Робер опубликовал статью, в которой была представлена и предварительно проанализирована ранее неизвестная греческая надпись эллинистического времени, обнаруженная на территории Северного Ирана [Robert, 1960, p. 85–91]. Он сообщил, что тогдашний директор Французской археологической миссии в Иране Р. Гиршман годом раньше передал ему фотографию текста надписи, приобретенной в свое время местным коллекционером, для ее дальнейшей публикации и введения в научный оборот. Характерно, что этот маститый археолог, специалист по древней истории Ирана, не попытался сам ее опубликовать, а передал эту почетную миссию авторитетному в научном мире лучшему специалисту в области греческой эпиграфики, которым являлся профессор Л. Робер. Данный пример типичной научной солидарности двух маститых ученых очень показателен.

Сама надпись происходит из района современного Горгана (северо-иранская провинция Мазендеран), прилегающего к юго-восточному побережью Каспийского моря. В древности эта плодородная и обширная местность называлась Гирканией, а Каспийское море — Гирканским (Strab. XI. 7. 1–4). Именно через эту область прошли войска под командованием Александра Македонского, которые преследовали греческих наемников, служивших у

Дария III, а, после его гибели, бежавших в прикаспийские горы Восточного Ирана (Агг. XVII. 23. 1—6).

В своих комментариях к публикации текста надписи Л. Робер подчеркивает, что она, со слов Р. Гиршмана, работавшего непосредственно с ее оригиналом, была выполнена на блоке известняка, вероятно местного происхождения. При этом очень показательно, что блок был обработан только с лицевой стороны, на которой находился текст. Тыльная же сторона не была обработана. Внешние размеры каменного блока составляют 41 на 26,5 см. Его толщина — 20 см. Высота букв греческого языка надписи — 10–11 мм, причем буквы последних строк текста меньшего размера (6–7 мм).

Предлагаем ее текст [Robert, 1960, p. 85]¹:

Εὐανδρος: Ἐνδραγόραι,
 Ἀπολλοδώ χαίρειν·
 ἀφέωκαμεν Ἐρμαίου
 4 ἐλεύθερον ὑπὲρ βασιλέως
 Ἀντιόχου καὶ βασιλίσσης
 Στρατονίκης καὶ ἐγγόνων
 ἱερὸν Σαράπιος καὶ ἀνα-
 8 τεθείκαμεν ἐν τῷ ἱερῶι
 τὴν ἄφεσιν αὐτοῦ τε
 [κ]αὶ τῶν ἰδίων αὐτοῦ
 [...]: Γορπαίου: Ἐρρῶσθε.

Последняя по времени публикация этого документа и его подробный анализ были предприняты в 2012 г. во второй части «Корпуса иранских надписей», в которой представлены грекоязычные эпиграфические документы селевкидского и парфянского времени, обнаруженные на территории эллинистического Ирана и Центральной Азии. Идею подборки и публикации этого ценнейшего материала, ранее разбросанного в десятках публикаций, вынашивал в свое время сам Л. Роббер [Robert, 1960, p. 86], однако кончина мэтра греческой эллинистической эпиграфики не позволила осуществить задуманное.

Спустя некоторое время надпись нашла свое место в соответствующей части упомянутого выше «Корпуса», над публикацией которой работали авторитетные французские ученые-античники, коллеги и друзья Л. Робера, Ж. Ружемон и П. Бернар [Corpus Inscriptionum, 2012]. Именно в их редакции мы даем грекоязычный текст гирканского документа.

Текст надписи сохранился хорошо, незначительно нарушена лишь нижняя левая часть известнякового блока. При этом лакуна предпоследней строки (стк. 10) легко восстанавливается как предлог [κ]αὶ, зато дата ее написания, открывающая последнюю строку текста (стк. 11), безнадежно утра-

¹ Греческий текст надписи воспроизводился неоднократно, в частности, в статье Ч. Б. Уэллеса, оперативно отзывавшегося на статью Л. Робера [Welles, 1962, p. 290] и в монографии Г. А. Кошеленко, впервые опубликовавшего ее текст для отечественных исследователей [Кошеленко, 1979, с. 133]. Отметим при этом исследования этого документа, осуществленные в работах: [Bömer, 1963, S. 510] и [Sherwin-White, Kuhrt, 1993, p. 81—82].

чена. По мнению Л. Робера, надпись составлена на правильном греческом языке и характер письма вполне типичен для раннеэллинистической эпохи [Robert, 1960, p. 85]. К вопросу ее датировки мы еще вернемся.

На русский язык этот интересный документ полностью переведился лишь однажды автором настоящей статьи в учебном пособии «Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции» [Новиков, 2000, с. 376]. Предлагаем текст этого перевода с некоторыми уточнениями.

«Евандр приветствует Андрагора и Аполлодота. Нами отпущен на волю Гермей ради [блага] царя Антиоха и царицы Стратоники и их детей посредством посвящения [богу] Сарapisу. [По этой причине] мы выставили в храме документ об освобождении его [самого] и [его] имущества. В год ..., месяц Горпией. Будьте здоровы».

Судя по содержанию документа, перед нами послание, адресованное двум местным чиновникам, Андрагору и Аполлодоту. Автор письма, являвшийся манумиссором, Евандр, чье имя стоит первым в надписи, использует для обозначения своей персоны множественное число («Нами отпущен на волю...») называет как для себя, так и для своих адресатов, имена без патронимиконов, придворных титулов и должностей в селевкидской администрации. Указанные обстоятельства, несомненно, могут свидетельствовать о достаточно высоком государственном служебном ранге всех трех героев надписи. При этом, как предположил Ч.Б.Уэллес, манумиссор Евандр, упомянутый первым в письме, определенно мог быть высоким чиновником государственного уровня селевкидской администрации (финансового или военного ранга) или даже занимавшим пост «вице-короля» верхних сатрапий — ὁ ἐπὶ τῶν ἄνω σατραπειῶν [Welles, 1962, p. 292]¹.

Таким и мог быть упомянутый выше автор послания Евандр. Именно он проинформировал двух своих гражданских чиновников регионального уровня (их имена в письме стоят в дательном падеже) об отпуске на волю своего раба для того, чтобы акт освобождения вступил в законную силу или же для того, чтобы гарантировать свободу вольноотпущенника со стороны местных властей [Robert, 1960, p. 87].

Попытаемся определить места в административной иерархии государства Селевкидов адресатов письма. Несомненно то предположение, высказанное выше, что оба они, и Андрагор, и Аполлодот были высокими функционерами регионального уровня. Что касается последнего, то о нем ничего определенного сказать нельзя. Источники о нем хранят молчание. Л.Робер не исключает, что Аполлодот мог являться высоким должностным лицом регионального уровня, отвечавшим специально за одну из отраслей административного управления области, вроде ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν [Robert, 1960, p. 87]. Об этом могут свидетельствовать факты, нашедшие свое место в содержании письма.

Но в отношении Андрагора, первого адресата послания, возникает ряд показательных ассоциаций. Если предположить, что он, названный первым среди двух региональных чиновников, которым было адресовано послание Евандра, вполне мог быть царским наместником, сатрапом, или, что менее

¹ Подробнее об этой должности и титуле в лестнице высшей управленческой номенклатуры Селевкидского царства см.: [Бикерман, 1985, с. 190].

вероятно, стратегом своего округа (сатрапии). Как известно, у Селевкидов именно правитель сатрапии возглавлял иерархию гражданских должностных лиц подчиненного ему округа.

Царский наместник региона в Селевкидском царстве — достаточно высокопоставленная и влиятельная фигура местной администрации, которая соединяла гражданские и военные дела, ведала определенными финансовыми делами округа. К тому же этот чиновник осуществлял судебную власть, контроль над местными чиновниками, занималась хозяйственными вопросами региона, а также решал ряд вопросов с местным населением от имени царя [Бикерман, 1985, с. 190–191; Смирнов, 2013, с. 168]. В любом случае, Селевкидский наместник персонально зависел от царя или его заместителя на данный момент. Несмотря на определенную автономию и свободу в своих действиях (они иногда даже создавали собственные династии), наместники постоянно находились под надзором центральной власти [Смирнов, 2013, с. 169]. Ниже мы попытаемся более определенно идентифицировать этого персонажа.

Приблизиться к более уверенному подтверждению высказанных выше положений, может позволить попытка датировки анализируемого документа. Как уже упоминалось, датировочная формула рассматриваемого документа полностью не сохранилась; уверенно можно свидетельствовать лишь о месяце, когда было отправлено письмо. Это — месяц македонского календаря Горпией (Γορπιάου), принятого в качестве официального в Селевкидском царстве. Что же касается года отправления, то есть все основания считать, что надпись следует датировать временем правления Селевкида Антиоха I Сотера (281—261 гг. до н.э.). Об этом определенно свидетельствует фраза текста надписи ὑπὲρ βασιλέως Ἀντιόχου καὶ βασιλίσσης Στρατονίκης (стк. 4–6).

Данную сравнительно широкую датировку (почти два десятилетия) принимает большинство исследователей. Она зафиксирована и в последней публикации надписи (СП. № 76. Р. 158). Действительно, Антиох I, сын основателя династии Селевка I, и его соправитель с 292 по 281 г. до н.э., получил диадему на царствование в 281 г. до н.э. после кончины отца. Его супруга, Стратоника, ранее бывшая в браке с его отцом, основателем династии, по воле своего мужа стала женой его сына.

Римский историк Аппиан (сер. II н.э.), в своем произведении «Сирийские дела», кратко описавший событийную канву истории царства Селевкидов, дает собственную версию этой романтической истории. Дело в том, что сын Селевка I и наследник престола Антиох, влюбился в свою мачеху Стратонику. Когда Селевк узнал об этом, он решил отказаться от своей молодой жены и передать ее сыну. С трудом ему удастся уговорить Антиоха и Стратонику сочетаться браком. Цитируем заявление престарелого монарха перед сходкой своих воинов: «...Самыми любимыми для меня и достойными власти являются из всех моих детей старший сын и жена. У них, так как они молоды, могут быть скоро и дети, и для вас будет больше хранителей вашего государства. Поэтому на ваших глазах я сочетаю их между собою и посылаю быть царями народов, находящихся в глубине страны» (App. Syr. 61).

Однако романтический налет этой истории быстро оседает в связи с уче-

том вполне прагматическими намерениями Селевка I. Дело в том, что когда ему перевалило за 60 лет, основатель династии был явно обеспокоен проблемой ее продолжения. Он нашел выход, уступив свою молодую супругу Стратонику сыну и наследнику Антиоху. Антиох был рожден Апамою, дочерью бактрийца Спитамена, ставшей первой женой будущего основателя великой династии на знаменитой массовой свадьбе в Сузах (Art. Anab. VII. 4. 4–6; Plut. Alex. 70) [Новиков, 1989, с. 34; Смирнов, 2013, с. 45]. Однако она, возможно, все же дожила до появления у нее соперницы в 294/293 г. до н.э.

Именно в этом году дочь Деметрия Полиоркета Стратоника, вступила в брак с Селевком I. Ничего сенсационного в данной полигамии не было. Скорее всего, этот второй брак был заключен из политического расчета [Бенгтсон, 1982, с. 61]. Дело в том, что в ходе войн диадохов, Селевк, предвидевший неизбежной борьбы за власть, попытался нейтрализовать одного из них, сделав его потенциальным союзником. Таковым был Деметрий Полиоркет. Соглашение Селевка с ним (Plut. Dem. 32; Iust. XV. 4. 24) было закреплено династическим браком. Дочь Деметрия Стратоника стала второй женой правителя Селевкидского царства. Тем самым, Селевк заключил этот альянс со своим мощным противником и врагом для того, чтобы отвести от себя его угрозу. Именно Деметрий Полиоркет реально угрожал господству Селевку I над Сирией, Киликией, Кипром, Сидоном и Тиром [Grainger, 1990, p. 140; Смирнов, 2013, с. 88–89]. В жилах наследника династии текла македонская и иранская кровь, тем не менее, македонский компонент всегда оставался доминирующим в характере Селевка I. Сам он и его наследники придавали большое значение хорошим отношениям с иранским населением их державы, поэтому не удивительно, что многие иранцы достигали высокого положения в войске и управленческом аппарате Селевкидской державы, но все же интересы Запада были превалирующими.

Вернемся к вопросам датировки нашей надписи. Известно, что Стратоника, выданная замуж за наследника престола Селевкидов царевича Антиоха в 294/293 г. до н.э., который правил как царь Селевкидской державы с 281 до 261 г. до н.э. скончалась в Сардах в 254 г. до н.э. [Del Monte, 1997, p. 41–42]¹, оставив после себя двух сыновей и двух дочерей — Селевка (назначен наместником «верхних сатрапий»), являлся соправителем отца с 279 по 268 гг. до н.э., но был обвинен в измене и казнен ок. 266 г. до н.э.) [Welles, 1962, p. 291] и Антиоха (будущий Антиох II Теос), Апаму и Стратонику младшую². Для нас важны наследники по мужской линии, которые прекрасно понимали, что, следуя общему правилу эллинистического династического права, все наследие принадлежало наиболее близкому и старшему по возрасту агнату по мужской линии [Бикерман, 1985, с. 19–20].

Отсюда следует, что первым, кто мог претендовать на престол, являлся Селевк, но в силу указанных выше причин, его место занял Антиох, буду-

¹ Сомнения П. Бернара относительно года вступления в брак Антиоха I и Стратоники для нашего исследования не являются принципиальными. См.: СП. P. 158. Note 541.

² Генеалогическое древо дома ранних Селевкидов удачно представлено в классическом университетском издании учебника «История древней Греции» под ред. В. И. Кузищина. М., 1996. С. 310.

щий Антиох II Теос. Эту эпиклезу он получил от граждан Милета, за то, что уничтожил у них тиранию Тимарха и возвратил им «свободу и демократию» (OGIS. 266; App. Sng. 65). Антиох являлся официальным соправителем и наследником своего отца с 264 по 261 гг. до н.э. и царствовал с 261 по 246 гг. до н.э. Поэтому есть все основания предположить, что датировка рассматриваемой надписи вполне может быть сужена до 268—264 гг. до н.э., когда у царствующего Антиоха I не было официального соправителя, которым спустя три года станет его сын¹.

Приняв наши предположения, становится понятной стк. 4—5 надписи «ὕπερ... καὶ ἐκυβίωσι» («ради [блага] царя Антиоха и царицы Стратоники и их детей»). Если бы в эти годы царствующий монарх имел соправителя, его имя по правилам селевкидского канцелярского стиля обязательно было бы упомянуто. Однако Селевк ок. 268 г до н.э. уже был репрессирован, а Антиох станет соправителем только в 264 г. до н.э. Поэтому автор рассматриваемого письма ограничился в формуле документа лишь осторожной формулой «...καὶ ἐκυβίωσι». Л. Робер в связи с этим осторожно высказывает мнение о том, что «кажется рискованным поместить текст между казнью соправителя Селевка и назначением соправителем Антиоха» [Robert, 1960, p. 88], что вполне соответствует высказанным выше предположениям.

Столь объемный экскурс в генеалогические сопоставления правления ранних Селевкидов объясняются тем, что, с нашей точки зрения, становится возможным идентифицировать одного из адресатов послания — Андрагора. Как известно, в середине III в. до н.э. наступает кризис власти Селевкидов на Востоке. Центральное правительство в своей политике целиком ориентировалось на Запад, рассматривая восточные сатрапии только как источник, откуда поступают денежные средства и воинские контингенты.

Однако греко-македоняне, жившие на Востоке, считали, что эта политика подрывает самые основы их владычества. Около середины III в. до н.э. практически одновременно с Диодотом, правителем Бактрии, от власти Селевкидов отпадает и Андрагор, являвшийся правителем как Парфии, так и Гиркании².

Но судьба Андрагора оказалась более печальной, нежели Диодота, основателя будущего форпоста эллинизма на Востоке — Греко-Бактрийского царства. Вскоре после отложения Парфия подверглась нападению кочевого племени парнов, во главе которых стоял Аршак: «... Аршак, скиф, вместе с некоторыми из даев, так называемых апарнов, кочевников, живущих по реке Оху, напал на Парфию и завоевал ее» (Strab. XI. II. 2). Армия Андрагора была разбита, а сам он погиб в сражении (Just. XLI. 4. 3—8). Это событие, по всей вероятности, произошло в 247 г. до н.э. Сам же Аршак вскоре короновался как правитель новой восточной державы, ставшей со временем, уже в эпоху господства Рима на Западе главным его противником на Востоке [Фрай, 1972, с. 229; История Ирана, 1977, с. 89; Кошеленко, 1977, с. 17; Кошеленко, 1979, с. 266; Гаибов, Кошеленко, Сердитых, 1992, с. 38].

Обратимся к содержанию рассматриваемого документа. Не вызывает

¹ Ч. Б. Уэллес считает более узкой датой 263—261 гг. до н.э. См.: [Welles, 1962, p. 292]. Однако, как представляется, это очень смелое предположение.

² Об Андрагоре см.: [Wolski, 1950, p. 111—114; Wolski, 1956/8, p. 35—52; Wolski, 1960; Wolski, 1969; Wolski, 1976].

сомнения то, что данное письмо сообщает об акте отпуска раба на волю его бывшим владельцем — манумиссором Евандром. Но это не сам документ (ἄφεσις), который должен был храниться в храмовом архиве, а письмо-сообщение о совершенном юридическом акте, установленное в храме божества¹. Этим и может объясняться то обстоятельство, что тыльная сторона известнякового блока с текстом надписи, нанесенной позже сооружения храма, не была специально обработана, так как записанная плита являлась фрагментом облицовки его стены.

При сравнении текста рассматриваемой надписи с аналогичными по содержанию документами об освобождении рабов, дошедших до нас, например, из Селевкии-на-Эвлее (древние Сузы) [Кошеленко, Новиков, 1979, с. 41–54; Новиков, 1989, с. 71–84], очевидны многие несомненные аналогии. Для этого сравним фрагменты текста одной из сузских манумиссий, правда, более позднего, парфянского времени (SEG. VII. 1934. № 15), текст которой сохранился практически полностью и гирканским документом².

Сам факт освобождения в обоих документах выражен посредством глагола ἀφίημι в аористной форме страдательного залога (ἀφεώκαμεν гирканский документ и ἀφιέρωσεν — в сузской манумиссии). Имеет место клаузула ради кого совершается акт освобождения («ради [блага] царя Антиоха и царицы Стратоники и их детей» — гирканский документ и «ради [блага царя] Ант[иоха] и [жены царя] Лаодики» — манумиссия из Суз). Это обстоятельство в свое время вызвало оживленное обсуждение в литературе. Ф. Кюмон видел здесь явное влияние старой восточной практики [Inscriptions grecques de Suse, 1928 (MMAP. T. XX)]. Ф. Бемер указывал на то, что подобная практика чужда греческому миру, и видел в этом также выражение политической лояльности [Bömer, 1960, S. 97–101].

Ч.Б. Уэллес в связи этим отмечал, что в манумиссиях из Суз освобождаемые рабы посвящаются божеству (ради) царской семьи («in behalf of») [Welles, 1962, p. 290], причем сузские тексты в эту формулировку добавляют слово σωτηρίας, которое автор гирканского письма счел возможным опустить (скорее всего, что в самой юридической формуле этого документа об освобождении раба, т.е. собственно в манумиссии, оно присутствовало). Отсюда следует, что подобная практика освобождения «ради царя» и членов царской семьи существовала во многих пунктах Селевкидского царства [Кошеленко, Новиков, 1979, с. 51].

В гирканском письме и сузских манумиссиях совпадает и клаузула, касающаяся самой формы освобождения раба — «посредством посвящения божеству» (Сарапису в первом случае и во втором — Нанайе)³. Исследователи считают, что манумиссии в форме посвящения Сарапису, были вполне обычны, например, в Средней Греции (Беотия), но позднее, в период от II в. до н.э. по II в. н.э. [Calderini, 1908, p. 109].

¹ Относительно практики сопоставления оригинала документа с сообщением об этом юридическом акте см.: [Klaffenbach, 1960, S. 26–38].

² Перевод указанной манумиссии из Суз см.: [Новиков, 2000, с. 375–376].

³ В манумиссиях из Селевкии-Суз среди божеств, которым посвящались освобождаемые рабы, упоминаются Аполлон и Артемида Даитаисские, а также богиня, имя которой не сохранилось. Предположительно, это была синкретическая Артемида-Нанайя. Подробнее см.: [Кошеленко, Новиков, 1979, с. 46].

Однако гирканская манумиссия преподносит еще один неожиданный сюрприз. Дело в том, что раб Гермей освобождается на волю вместе со своим имуществом (τῶν ἰδίῳν αὐτοῦ — стк.10). Весьма авторитетный исследователь в этой области Ч.Б. Уэллес, анализировавший данный документ, заявляет: «Я не знаю других аналогий этому. И Робер не упоминает их» [Welles, 1962, p. 291]. В современной литературе нам не удалось найти каких-либо комментариев данному феномену. Только будущие находки подобного рода смогут помочь прояснить эту загадку.

В исследовательской литературе общим местом стали предположения о том, что культ Сараписа (в римскую эпоху его называли Серапис) возник на египетской основе по инициативе Птолемея I Сотера под влиянием идей Александра Великого. Считается также, что учреждение этого культа было продуманным политическим актом, в котором можно было попытаться объединить египтян и эллинов, завоевавшим Египет, и распространить свое влияние за пределы Египта.

В исторических источниках создание культа Сараписа было окружено легендами, сохранными у Тацита (Hist. IV, 83—84) и Плутарха (de Is. et Os. 26—30). Устанавливая новый культ, Птолемей привлек в качестве советников и экспертов гелиопольского жреца Манефона и элевсинца из рода Евмолпидов Тимофея. Речь шла об организации культа Сараписа таким образом, чтобы он привлекал и египтян и эллинов. Созданное божество — Сарапис, наследник одновременно и Осириса-Аписа, египетского бога мертвых из Мемфиса [Левек, 1989, с. 151]. Понемногу почитание Сараписа было принято населением Средиземноморья (Кипр, Кос, Фасос, Метимна, Македония, Афины, Танагра, Херонея, Делос и др.) [Тарн, 1949, с. 322; Ранович, 1950, с. 323].

Однако при этом Гиркания уже входила в состав Селевкидской державы и столь широкого распространения на Восток культа этого египетского божества ожидать не приходится. При этом, однако, есть ряд свидетельств, о которых будет сказано ниже, что почитание Сараписа имело место и на Востоке (в Вавилонии, в частности).

Исследуемое письмо, как было показано выше, относится ко времени царствования Селевкида Антиоха I Сотера (281—261 гг. до н.э.), точнее, как мы пытались показать, к 263—261 гг. до н.э. когда его сын принц Антиох, будущий Антиох II, был его соправителем. Едва ли за двадцать с небольшим лет, прошедших после смерти основателя Птолемеевской династии и инициатора основания культа Сараписа, он (этот культ) мог столь стремительно распространиться столь далеко в Персиду, к побережью Гирканского (Каспийского) моря. К тому же, Андрагор, доверенный чиновник Селевкида Антиоха II, который отпустил своего раба на волю под защиту Сараписа, едва ли мог иметь какое-либо отношение к Птолемеевскому Египту.

Отсюда можно высказать смелое предположение¹: храм Сараписа был главным религиозным центром этого региона и вполне возможно, что его существование в Гиркании относилось к городу, основанному здесь еще Александром Македонским. Именно Александр, но не один из его диадохов,

¹ Эта идея была высказана в свое время еще Ч.Б. Уэллесом [Welles, 1962, p. 292–293].

Птолемей I, мог быть инициатором основания культа этого ставшим в будущем космополитическим божеством. Нет сомнений в том, что новые археологические исследования смогут открыть остатки города Александрии-в-Гиркании, основанного Александром Великим, и храма Сараписа, главного святилища региона.

Поэтому вовсе не случайно упоминание этого божества в связи последними днями жизни Завоевателя Азии (Plut. Alex. 73). В этом смысле для нас также важна информация Диодора, Плутарха и Арриана о том, как его военачальники пытались испросить у Сараписа в вавилонском Сарапейоне возможность облегчить участь умирающего Александра (Diod. XVII. 116. 1–5; Plut. Alex. 75–76; Arr. Anab. VII. 24. 4–26. 2). А ведь смерть Александра наступила задолго до начала владычества над Египтом Птолемея I Сотера, который традиционно считается инициатором создания культа Сараписа, как мы считаем, уже существовавшего во время правления последнего¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Bömer F. Das Privateigentum eines Sklaven und seine Freilassung // *Historia*. 1963. Bd. XII. H. 4.
2. Bömer F. Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom. Teil II. Die sogenannte sakrale Freilassung in Griechenland und die (δοῦλοι) ἱεροί. Wiesbaden, 1960. S. 97–101.
3. Calderini A. La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia. Milano. 1908.
4. Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part II. Inscriptions of Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Inscriptions grecques d'Iran et Asie Centrale par Georges Rougement avec des contributions de Paul Bernard. London, 2012. № 76. P. 157–160.
5. Del Monte G.F. Testi dalla Babilonia ellenistica. Milano. 1997.
6. Grainger J. Seleukos Nikator: Constructing a Hellenistic Kingdom. London—New York. 1990.
7. Inscriptions grecques de Suse publiées d'après les notes de B. Haussoulier par F. Cumont. Paris. 1928 (MMAP. T. XX).
8. Klaffenbach G. Bemerkungen zum griechischen Urkundenwesen // *Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen. Literatur und Kunst*. 1960. № 6. S. 26–38.
9. Robert L. Inscription hellénistique d'Iran // *Hellenica. Recueil d'épigraphie de numismatique et d'antiquités grecques*. Paris, 1960. Vol. XI–XII. P. 85–91.
10. Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. Berkley, Los Angeles, 1993.
11. Welles C. B. The Discovery of Sarapis and Foundation of Alexandria // *Historia*. 1962. Bd. XI. H. 3.
12. Wolski J. Der Zusammenbruch der Seleukidenherrschaft in Iran im 3. Jh v. Chr. // *Der Hellenismus im Mittelalter* / Hrsg. von F. Altheim, J. Behr. Darmstadt, 1969.
13. Wolski J. Le problème d'Andragoras // *Mélanges G. Kazarov. Ephemeridis Instituti Archaeologici Bulgarici*. 5. Vol. XVI. Sofia, 1950. P. 111–114.
14. Wolski J. Les iraniens et le royaume gréco-bactrien // *Klio*. 1960. Bd. 38.

¹ В этом предположении мы вполне солидарны с мнением Ч. Б. Уэллеса, обозначенному выше (см. выше), несмотря на возражения, высказанные в свое время Г. Бенгтсоном [Бенгтсон, 1982, с. 40].

15. *Wolski J.* The Decay of the Iranian Empire of the Seleucides and the Chronology of Parthian Beginnings // *Berutus.* 1956/8. Vol. 12. P. 35–52.
16. *Wolski J.* Untersuchungen zur frühen parthischen Geschichte // *Klio.* 1976. Bd. 58.
17. *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
18. *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.
19. *Гаубов В. А., Кошеленко Г. А., Сердитых З. В.* Эллинистический Восток // *Эллинизм: восток и запад.* М., 1992.
20. *История Ирана.* М., 1977.
21. *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
22. *Кошеленко Г. А.* Родина Парфян. М., 1977.
23. *Кошеленко Г. А., Новиков С. В.* Манумиссии Селевкии-на-Эвлее // *ВДИ.* 1979. № 2. С. 41–54.
24. *Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989.
25. *Новиков С. В.* Экономика и рабство в городах и на сельской территории селевкидо-парфянского Ирана // *Антология источников по истории культуры и религии Древней Греции.* Под ред. В. И. Кузищина. СПб., 2000.
26. *Новиков С. В.* Юго-Западный Иран в античное время. М., 1989.
27. *Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950.
28. *Смирнов С. В.* Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М., 2013.
29. *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
30. *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972.

Поступила в редакцию 04.06.2014.